

Р В Ч Ъ

о развитіи идеи болѣзни,

читанная

Ординарный Профессоръ Патологіи
Н. Казловъ.

*Medicina in quam plurimis nihil aliud
fuit in hoc usque seculum, quam con-
tinua novatio in antiqua ignorantia.*
G. W. Wedel. 1692.

Исторія развитія идеи болѣзни, Мм. Гг., въ строгомъ смыслѣ слова, есть Исторія лечеб-
наго Искусства. Какъ логическое, менѣе или бо-
лѣе скудное, основаніе медицинскихъ теорій, идея
болѣзни во всѣ времена выражаетъ собою вели-
чину разстоянія Медицины отъ періода Эмпири-
ческаго до Рациональнаго. Съ другой стороны,
исторія развитія этой идеи, всегда параллельнаго
съ направленіемъ и образованностію вѣка, необ-
ходимо совпадаетъ съ Исторіею Философіи и
просвѣщенія. Духъ времени сообщалъ ей свой
отличительный, то идеальный, то чувственный,
типъ и относительная степень образованности на-
рода и постепеннаго развитія другихъ наукъ об-
лекали ее въ формы болѣе или менѣе разно-
образныя.

Медицина получила начало свое не отъ слож-
наго анализа явленій и законовъ жизни приро-
ды, но отъ эмпирическихъ выводовъ о томъ, что
вредно и полезно для тѣла человеческого. Про-
стыя наблюденія надъ дѣйствіемъ известныхъ
вліяній въ здоровомъ и больномъ состояніи чело-
вѣка составляли первые, грубые, матеріалы
ея. На каждой страницѣ сочиненій Гиппократъ,
этомъ сборникъ древней Греческой Медицины,
мы находимъ тому доказательства. Онъ самъ не
понималъ иначе Медицину, какъ наукой о дѣятъ
и старался доказать это всѣмъ ходомъ ея образо-
ванія. «Никто бы не искалъ Медицины,» гово-
рить онъ (de pris. med. 5.), «еслибъ одно и тоже
содержаніе было полезно для больныхъ и здоро-
выхъ». — Но результаты случайнаго опыта не
могли долго оставаться въ необработанномъ со-
стояніи. Въ самомъ началѣ, современно съ созер-
цаніемъ ихъ, умъ челоука долженъ былъ искать
какой нибудь связи и послѣдовательности въ явле-
ніяхъ опыта, — какихъ нибудь причинъ, служа-
щихъ ему основаніемъ. Безъ этого умственное
созерцаніе видитъ предъ собою факты разсыян-
ные на необозримомъ протяженіи; чтобы объять
ихъ, оно должно ограничить ихъ формы, ввести
симметрію въ расположеніи ихъ. Для этой цѣли,
собирая въ извѣстный порядокъ весь запасъ гру-
быхъ матеріаловъ эмпирическаго наблюденія,
умъ челоука подчиняетъ ихъ философской си-
стемѣ. Тогда на время область умственного со-

зерцанія ограничивается и дѣлается тѣснѣе, всѣ частности представляются на настоящихъ мѣстахъ своихъ и въ полномъ значеніи, система кажется истиннымъ знаніемъ. Но по мѣрѣ разширенія круга эмпирическихъ свѣдѣній, новые факты вѣчной жизни природы появляются внѣ произвольно-ограниченной области системы и владычествующій философскій принципъ дѣлается немощнымъ для объясненія ихъ. Изслѣдованія должны искать новаго основанія теоріи, — Эмпирія ждетъ новыхъ открытій. Такъ развивающаяся наука врачеванія необходимо раздѣляется на періоды, какъ способности разумнѣя младенца. И каждый изъ фазовъ ея развитія оставляетъ въ наукѣ, какъ слѣдъ свой, — свою идею болѣзни. Укрѣпленная общимъ сознаніемъ ея временнаго философскаго значенія, или исторической важности, она остается нѣсколько времени неприкосновенною, какъ Догматъ; на ней основывается философія науки и опирается медицинская система, — до тѣхъ поръ, пока критика и анализъ, эти непосредственные спутники знанія, не поколеблютъ ихъ временныхъ основаній.

Научное основаніе Европейской Медицины принадлежитъ по началу своему Философіи Ионической школы (Эмпедокла, Левциппа, Анаксагора, Гераклита и Демокрита) и положеніямъ ея философской Космогоніи. — Чудесная природа съ ея роскошною растительностію и баснословною кра-

сотою племени, поэтическая Мифологія, самые нравы и родъ жизни древнихъ Грековъ приковывали мысли ихъ къ однимъ наружнымъ отношеніямъ формъ и располагали къ введенію идеальнаго въ науки точныя, также какъ въ поэзію и изящныя искусства. Медицина ихъ не могла имѣть аналитическаго направленія: это поэма природы (Pruys van der Hoeven). Оттого и идея болѣзни у древнихъ Греческихъ ученыхъ является поэтической. Жизнь, здоровье, болѣзнь и смерть, чудесныя проявленія творческой мудрости природы, сливаются съ ихъ вдохновенною Космогоніею, — ученіе о жизни составляетъ часть вѣрованія въ природу. Эта природа олицетворена: она имѣетъ способность дѣйствовать, быть справедливою, привлекать и удерживать хорошее, измѣнять и истреблять вредное. Въ ней скрыта теплота безсмертная, слышащая, видящая, знающая настоящее и будущее. — При такомъ направленіи понятій, частности явленій природы должны были поглощаться въ цѣломъ, недѣлимые были à priori подчинены цѣлому — природѣ, и потому философія того времени не только не допускала индивидуальности болѣзни, но даже не могла разсматривать ее, какъ явленіе органическое.

Четыре вѣчныя и неизмѣнныя стихіи, случайно смѣшиваясь другъ съ другомъ физически, образуютъ всѣ тѣла природы, сообщая имъ свои

качества: теплоту, холодъ, сухость и сырость и даютъ имъ извѣстные свойства. Онѣ же, входя изъ наружной природы въ тѣло человека, поддерживаютъ здоровье его и качественнымъ направлениемъ своимъ производятъ болѣзнь, въ избыткѣ развивая въ организмѣ четыре соответствующія имъ главныя жидкости: кровь, слизь, черную и желтую желчь. Такимъ образомъ болѣзнь есть развитіе въ тѣлѣ одного или двухъ изъ четырехъ главныхъ свойствъ, принадлежащихъ стихіямъ природы и послѣдовательное образование въ избыткѣ одной или двухъ изъ основныхъ, соответствующихъ имъ, жидкостей организма. Внутренняя причина, сущность болѣзни, производящая ея признаки, есть избытокъ развитія свойства,—наружныя, отдаленныя, причины состоятъ въ предшествовавшихъ отношеніяхъ больного, вліяніи климата, времени года, эпидемій, пищи и т. п. Отъ нихъ развивается то или другое изъ четырехъ главныхъ свойствъ и, соответственно тому, въ избыткѣ накапливается та или другая жидкость. Сначала она бродитъ въ организмѣ въ состояніи грубомъ, но, мало по малу измѣнившись цѣлительною силою природы, переваривается (*coquitur*) и выгоняется вонъ изъ тѣла.

Въ такомъ грубомъ видѣ появилась первоначально идея болѣзни въ колыбели Медицины,—древней Іоніи, и сохранилась до нашего

времени въ сочиненіяхъ перваго (по времени) изъ Медицинскихъ писателей. Не заключая въ себѣ понятій индивидуальности и органическаго значенія болѣзни, и смѣшивая причину съ сущностію,—эта идея болѣзни имѣетъ объективное направленіе, хотя оно искажено въ ней одностороннимъ гуморизмомъ. Истекая изъ субъективнаго сознанія всепроникающей силы природы, она необходимо вела къ леченію простому, однообразному и недѣятельному. Вѣра въ *enormon* природы, наблюденіе признаковъ, безъ намѣренія имъ противодѣйствовать, и ожиданіе, пока лишнее количество одной изъ жидкостей, развившейся отъ враждебнаго дѣйствія стихій, будетъ готово къ выходу,—составляетъ основаніе первой половины леченія. Другая половина его должна ограничиваться стараніями выгнать изъ тѣла уже готовую къ выходу жидкость. Для этого должно дѣйствовать на пути ближайшіе, или указуемые природою, усиливая или ослабляя по надобности движенія цѣлебной силы. Признаки болѣзни служатъ врачу для того только, чтобы судить о важности и опасности ея и напередъ разглядѣть, какое направленіе возьметъ цѣлебная сила природы. Лекарства смягчающія, рвотныя, слабительныя и кровопусканія составляютъ весь запасъ этой догматической медицины. Образъ дѣйствія ихъ ограничивается механическимъ пособіемъ движеніямъ цѣлебной силы природы.

Нѣсколько вѣковъ держалась безъ измѣненія эта первоначальная идея болѣзни. Платонъ облекъ ее въ формы мистическія: допуская въ болѣзняхъ смѣшеніе нѣсколькихъ отдѣльных соковъ тѣла однихъ съ другими, онъ объяснялъ процессъ развитія ихъ измѣненіемъ внутреннихъ трехугольниковъ тѣла отъ дѣйствій наружныхъ трехугольниковъ окружающей насъ природы. — Dioscles дополнилъ ученіе Гиппократова сознаніемъ постоянного дѣйствія свѣта на тѣло человеческое. Въ письмѣ къ Антигону о сохраненіи здоровья, онъ подробно объясняетъ его, удерживая главныя положенія догматической идеи болѣзни. «Весеннее равенство», говоритъ онъ, «увеличиваетъ въ тѣлѣ мокроту и сладкіе и серозные соки крови. Восходъ плеядъ развиваетъ желтую желчь и горькіе и серозные соки, и это продолжается вплоть до лѣтняго солнцестоянія: въ это время увеличивается количество черной желчи вплоть до осенняго равенства: начиная отъ этого времени до заката плеядъ, увеличивается слизь» и т. д. Теофрастъ и Аристотель также дополнили догматическое ученіе болѣзни односторонними предложеніями современной физики, но идея болѣзни отъ того не измѣнилась.

Современникъ и другъ Цицерона, послѣдователь Клеофанта, Риторъ и врачъ, Асклепіадъ почерпнулъ въ философіи Эпикура и

Демокрита новую идею болѣзни. Источники ея современны Догматической Медицины и служатъ основаніемъ нѣкоторыхъ положеній философіи Платона. Quitzmann ¹⁾ въ Гейдельбергѣ объясняетъ причину введенія ихъ въ Медицину Эпикурейскимъ направленіемъ жизни Римлянъ во времена Асклепіада; но несравненно вѣроятнѣе, что новая идея болѣзни вызвана была съ одной стороны неудачными результатами догматическаго ученія, обратившаго Медицину въ эмпиризмъ, съ другой — вліяніемъ естественныхъ наукъ, уже начавшихъ тогда бытіе свое. По Демокриту элементы тѣла суть атомы первоначальныя, недѣлимые и неуступные чувствамъ; невидимыя силы (случай по Эпикуру) сводятъ ихъ между собою и — тѣло образуется. Асклепіадъ принималъ, что и тѣло человека состоитъ изъ атомовъ, между которыми находятся промежутки (поры). Въ порахъ движутся мельчайшіе атомы: теплота и воздухъ, кровь и жидкости. Здоровье состоитъ въ правильномъ отношеніи между порами и мелкими атомами; — болѣзнь — въ нарушеніи правильныхъ отношеній атомовъ къ порахъ; при чемъ или атомы, потерявъ надлежащую чистоту, затрудняются въ переходѣ чрезъ поры, или поры расположены дурно, или наконецъ, теплота, воздухъ и соки движутся безпорядочно. Асклепіадъ не могъ доказать изслѣдованіями этого произвольнаго положенія: ни въ Римѣ, ни въ Прузѣ,

въ Вифиніи, гдѣ онъ началъ свое поприще, они не могли имѣть мѣста. Но видя, что рогъ, серебро и другія вещества, отъ дробленія на части, теряютъ цвѣтъ и пріобрѣтаютъ прозрачность, онъ заключилъ, что качества тѣлъ происходятъ отъ порядка, вида, числа и величины атомовъ и распространилъ это положеніе на здоровье и болѣзнь человека.

Принимая въ атомахъ матерію съ ея физическими признаками (ломкостію, дѣлимостію, величиною и т. п.), Асклепиадъ сообщилъ идѣ болѣзни матеріальное значеніе. Съ другой стороны, опредѣляя ее нарушеніемъ смѣшенія и отношеній атомовъ къ порамъ, онъ призналъ въ ней неправильный внутренній процессъ. Но свойство этого процесса не опредѣленно; онъ занимаетъ какъ бы средину между явленіемъ физическимъ и феноменами органической дѣятельности. — Въ противоположность Гиппократовой, или Догматической, — идѣ болѣзни Асклепиада составляетъ историческое основаніе Солидарной Патологіи.

Также должна была измѣниться терапія его, прославленная Апулеемъ, Секстомъ, Цельзомъ и Цицерономъ. Принимая фатализмъ, волю боговъ (*deorum nutus*), или случай за дѣйствующую причину соединенія атомовъ какъ въ природѣ, такъ и больномъ тѣлѣ человека, онъ отвергаетъ

олицетвореніе природы и цѣлебную силу ея (*Non solum prodest natura, sed etiam nocet. Coel. Aurel. I. XIV*), вмѣстѣ съ выжидательнымъ способомъ Гиппократа (*mortis studium*). Лекарствами должно приводить въ порядокъ атомы, заблудившіеся въ тѣлѣ, и выводить излишніе вонъ изъ тѣла чрезъ пути самые близкіе и удобные. Назначеніе лекарствъ въ его ученіи управлялось спекулятивными расчетами пути движенія и направленія атомовъ, иногда съ смѣшною наивностію, иногда довольно остроумно. Но какъ его идѣя болѣзни допускаетъ только три вида проявленія одной и той же причины въ больномъ тѣлѣ, то и леченіе болѣзней просто и однообразно. Для него вовсе ненужны лекарства сложныя и составныя; — все замѣняется употребленіемъ средствъ наружныхъ, механически дѣйствующихъ на матеріальную сущность болѣзни. Движенія, верховая ѣзда, качанье, кровопусканія, тренія, ванны, припарки, втиранія и вино — составляютъ всю терапію Асклепиада. Теорія употребленія ихъ основывается на ихъ противодѣйствіи болѣзненному состоянію атомовъ и поровъ. *Hic est ille Asclepiades frigidans atque calefaciens, exantlans atque replens et contrariis semper utens rebus. Coel. Aurel. Celer. pass. II. c. XXXIX.*

Идѣя болѣзни Асклепиада еще ближе граничила съ эмпиризмомъ, чѣмъ догматическая.

Послѣдователи его, допуская, что большая часть болѣзни происходитъ отъ остановленнаго движенія соковъ, въ слѣдствіе препятствія инородныхъ атомовъ, должны были принять и противоположное состояніе тѣла, гдѣ отъ измѣненій поровъ соки движутся слишкомъ скоро; между этими двумя видами болѣзненнаго процесса они помѣстили третій, смѣшанный, при которомъ однѣ части тѣла выражаютъ остановленное, а другія ускоренное движеніе соковъ. Такимъ образомъ всѣ болѣзни раздѣлились на три категоріи состоянія поровъ и движенія жидкостей. Гдѣ поры закрыты и жидкости замедлены въ движеніи, тамъ происходятъ опухоль, напряженіе, твердость (*strictum*); гдѣ поры открыты и жидкости движутся скоро, или изливаются изъ тѣла, тамъ части спадаются и теряютъ упругость, объемъ и форму (*laxum*); гдѣ однѣ жидкости задержаны, другія ускорены въ движеніи, тамъ признаки смѣшаны (*mixtum*) и по перевѣсу направленія болѣзни переходить въ первую или вторую категорію. Каждое изъ этихъ трехъ состояній выражается общими признаками измѣненія поверхности тѣла, какъ главной системы поровъ; частныя изслѣдованія симптомовъ болѣзни и состоянія силъ больного не входятъ ни въ діагнозъ, ни въ назначеніе лекарствъ.

При такихъ данныхъ Медицина не могла существовать, какъ наука. Атомистическая идея

болѣзни обратила ее въ послѣднемъ вѣкѣ, предшествовавшемъ Рождеству Христову, и въ первыхъ двухъ столѣтіяхъ нашего лѣтосчисленія въ эмпирическое состояніе. Уже Themison, первый ученикъ Асклепіада, сознаетъ это. *Medicina.....quasi via quaedam, quam μέθοδος Graeci vocant, eorumque quae in morbis communia sunt contemplatrix.* (Cels. Praefat.). Thessalus, современникъ Нерона, передаетъ ученикамъ своимъ эту сложную науку въ шесть мѣсяцевъ и ремесленники Римскіе занимаются практической терапіей, наравнѣ съ врачами.—*Atque hinc adeo fit, ut nunc etiam sutores et tinctores, et fabricum materiarii, tum ferrarii, proprio magisterio relicto, in medicinae artis opera insiliant.* (Galenus, d. M. med. L. 1. c. 1). — Между тѣмъ большое число послѣдователей ²⁾ укрѣпляетъ методизмъ въ наукѣ до того, что еще въ девятомъ и десятомъ вѣкѣ Moschion и Warimpotus (Gariopontus, Gani-pulus или Warmipotus) защищаютъ его, какъ философское основаніе Медицины. Замѣчательно, что даже въ новое время атомистическая идея болѣзни снова воскресла въ медицинскихъ системахъ Картезіевой философіи, или въ неизмѣненномъ видѣ (Prosper Alpinus—1615)³⁾, или съ примѣсью химическихъ теорій, или смѣшанная съ ученіемъ Гиппократъ и Галена. Сюда принадлежатъ медицинскія теоріи Henr. Regius'a ⁴⁾ (—1679), первой жертвы Декартовой философіи, Theod. Craane, Congr. Bontekoë, про-

славившагося гастрономическими нововведеніями въ Европѣ (—1685)⁵⁾, Js. J. Waldschmidt'a, Профессора въ Марбургѣ⁶⁾, Paul. Ammanus'a, G. Baglivi (—1708), Bellefontaine'a и другихъ. Правильность отношеній жидкостей къ порамъ (*ευτομία*) они замѣнили понятіемъ равновѣсія твердыхъ частей съ жидкими; — *strictum* — спазмомъ волоконъ (*spasmus fibrarum, elater justo intensior, nimis vegeta oscillatio*), а *laxum* — ослабленіемъ упругости ихъ (*nimis remissus fibrarum elater*).—

Атомистическая идея болѣзни допускаетъ только два вида дѣйствія лекарствъ: напряженіе ослабленнаго и ослабленіе напряженнаго. Специфическаго вліянія врачебныхъ средствъ на организмъ она не принимаетъ. Правда Thessalus ввелъ въ теорію догматиковъ идею качественного измѣненія поровъ (*metasyncrisis*), но она не вела за собою специфическихъ методовъ леченія, потому что, сообразно атомистической идеѣ болѣзни, выражала собою возможность одного только вида измѣненія качества вообще: болѣзнаго въ здоровое. При *strictum* методики открывали поры кровопусканіемъ, сухими банками, расположенными по всему тѣлу (какъ современникъ нашъ Dr Richard въ Парижѣ), пиявками, теплыми припарками изъ воды съ масломъ, катаплизмами изъ жирныхъ и слизистыхъ веществъ и легкимъ движеніемъ тѣла.

Такъ лечили они воспаленія, ударъ, конвульсіи, водобоязнь, мигрень, обмороки, эпилепсію, тучность, водянку, дизентерію, чахотки, колики и параличъ. Противъ *laxum* они употребляли холодъ и холодныя стягивающія примочки или снаружи втирали въ кожу мѣлъ, квасцы и свинецъ, чтобы засорить и стянуть слишкомъ просторныя поры и давали пищу, по ихъ мнѣнію, стягивающую: хлѣбъ съ уксусомъ, воду съ краснымъ виномъ и квинтовое сѣмя. Такъ поступали они при холерѣ, кровавой рвотѣ, кровохарканіи, геморроидахъ, маразмѣ и т. п. Если же поры не стягивались отъ холодной воды, не расширялись отъ теплыхъ мазей,—если болѣзнь не уступала леченію; то для того, чтобы исправить испорченное качественное состояніе поровъ, подвергали ихъ *метасинкризу* или *возрожденію* (*rescorporatio*). Постомъ и кровопусканіями очищали поры тѣла и наполняли ихъ новыми соками изъ известнаго рода пищи, въ которомъ особенную роль играли крѣпкія вина, горчица, оливы, рыбы, птицы и свиное мясо, принадлежавшее, по мнѣнію методиковъ, къ легкой пищѣ⁷⁾.

Галенъ засталъ въ медицинѣ атомистическую идею болѣзни, съ ея неудачными примѣненіями. Эклектическое направленіе современной философіи увлекло и его: онъ ввелъ основанія семи разныхъ философскихъ и медицин-

скихъ школъ въ свою медицинскую теорію. Его идея болѣзни, удержавшаяся въ теченіе почти всего лѣтосчисленія нашего, носить на себѣ слѣды ихъ. Четыре основныя стихіи Гиппократы составляютъ въ ученіи Галена основаніе природы: имъ принадлежать основныя качества, теплота, сырость, холодъ и сухость. Смѣшиваясь другъ съ другомъ въ тѣлѣ человѣка, элементы производятъ взаимное сліяніе качествъ, или темпераментъ (*crasis*). Оттого нѣкоторыя части тѣла суше, другія холоднѣе, сырѣе или теплѣе прочихъ. Но какъ элементы существуютъ въ тѣлѣ не отдѣльно, а въ сліяніи одинъ съ другимъ, то и основныя качества сложны: теплота можетъ быть суха и сыра, сырость тепла и холодна, холодъ сухъ и сыръ, сухость холодна и тепла. — Соотвѣтственно происхожденію своему изъ сліянія элементовъ, основныя жидкости тѣла имѣютъ свои сложныя свойства. — Духи натуральные, животные и жизненные—движутъ тѣло и сообщаютъ ему принципъ жизни, теплоты, движенія и чувства (*Atheneus* и *Agathinus*); дѣятельность ихъ измѣняется въ болѣзняхъ и нарушаетъ правильность отправления тѣла (*Atheneus*). Каждое отправление имѣетъ силу привлекать (*vis attractrix*), удерживать (*vis retentrix*), измѣнять (*vis alterans*) и изгонять (*vis repultrix*). Эти силы, возбуждаемыя духами, дѣйствуютъ на элементы, основныя свойства и четыре главныя жидкости тѣла. Здо-

ровье есть средняя температура элементовъ и свойствъ въ тѣлѣ и нормальное сложеніе органовъ и частей (*symmetria*), относительно положенія, величины, очертанія и числа ихъ. Болѣзнъ есть состояніе противоположное здоровью, слѣд. неправильное состояніе отправления или сложенія органовъ. При неправильности отправления развиваются въ неправильномъ содержаніи или одни только свойства (*dyscrasia sine materia*), или жидкости тѣла (*dyscrasia cum materia*), при чемъ болѣзнъ можетъ быть простою, когда развивается одно только свойство, или одна только жидкость, и сложною, когда образуются сложныя свойства и нѣсколько жидкостей вмѣстѣ. Недостатокъ свойствъ или жидкостей составляетъ также дискразію, или болѣзнъ соковъ.

Идея болѣзни въ Галеновой Медицинѣ есть результатъ произвольнаго сліянія философскихъ положеній, принадлежавшихъ наукамъ въ его время. Ученіе объ элементахъ Ионической школы, Телеология Платона, духъ Атеней и Агатина, движеніе жидкостей Атомистической школы столькоже способствовали развитію ея, какъ анатомическія свѣдѣнія, почерпнутыя Галеномъ въ Александріи и Ятро-Механическое направленіе, какъбы наслѣдственно отразившее въ немъ архитектурныя способности его отца. Вытекая изъ общаго направленія ученой древности—подчинять частности цѣлому, понятіе болѣзни въ ученіи его не

перестаетъ быть отрицательнымъ. Это не есть явленіе самобытно и самостоятельно проявляющееся въ живущемъ тѣлѣ и потому въ сущности отъ него отдѣльное, какъ по законамъ происхожденія и бытія, такъ и по независимости своихъ силъ и направленія. Это не болѣе, какъ состояніе противоположное здоровью, слѣд. ему подчиненное (*subordinatum*); а какъ здоровье подчинено жизни, а жизнь—природѣ, то болѣзнь при этомъ взглядѣ есть только качественно-или количественно-низшая степень природы.

Леченіе Галена и послѣдователей его вполнѣ соответствовало принятой имъ отрицательной идеѣ болѣзни. Эклектическое направленіе, наблюденія и опыты указали ему на множество новыхъ врачебныхъ средствъ, но назначеніе и употребленіе ихъ не выходило изъ эмпирической рутины, дополненной произвольными объясненіями объ отношеніяхъ элементовъ и качествъ лекарствъ, къ элементамъ и качествамъ болѣзни. Опытъ говорилъ въ пользу лекарства противъ извѣстной болѣзни,—отношенія между ихъ элементами изобрѣтались послѣ. И теперь еще продолжается мѣстами въ медицинѣ этотъ порядокъ леченія, удивительно ли встрѣтить его за 16 вѣковъ до нашего времени!—Галенъ считалъ лекарства проводниками и хранителями извѣстныхъ качествъ природы: она вся состоитъ изъ нихъ, а лекарства принадлежатъ ей, какъ ча-

сти. Но эти качества въ прикосновеніи съ тѣломъ обнаруживаютъ соответствующія имъ дѣйствія: тепло разрѣжаетъ, сухость высушиваетъ, холодъ сгущаетъ, сырость размачиваетъ его и все это именно въ той степени, въ которой качество сосредоточено въ лекарствѣ. Кромѣ того, каждое лекарство заключаетъ въ себѣ особенное свойство, относительно живущаго тѣла, какъ напр. производить испарину, очищеніе, отдѣленіе желчи и т. д. Назначеніе лекарствъ основывается на принципѣ противоположности, который вплоть до нашего времени служить основаніемъ такъ называемой Аллопатіи. Избытокъ развитія одного какого нибудь качества въ болѣзни необходимо сопровождается относительнымъ недостаткомъ противоположнаго: оно, по ученію Галена и Догматической школы, для возстановленія здоровья должно быть пополнено,—и съ этою цѣлію должно употреблять тѣ средства, которыя считаются проводниками недостающаго качества. Черезъ это уменьшается количество того качества, котораго избытокъ произвелъ болѣзнь. Пополненіе недостающаго, изверженіе излишняго, высушиваніе сыраго, увлажненіе сухаго, прохладженіе горячаго и разгоряченіе остывшаго въ тѣлѣ—вотъ пути леченія болѣзней Галеновой Медицины. По теоріи они совершенно вѣрны, но вся теорія ученія основана на ложной идеѣ болѣзни.

Медицина Галена и Гиппократы безъ всякаго измѣненія введена была въ Европу по возобновленіи наукъ. У народовъ, занятыхъ основаніемъ политическаго бытія своего, на почвѣ, оспариваемой войнами, самобытное ученое направленіе и наука, съ ея философій, не могли скоро появиться. Съ другой стороны духъ того времени не могъ оставаться безъ вліянія на развитіе врачебной науки изъ прямыхъ источниковъ ея. Изъ сочиненій перваго періода возрожденія наукъ видно, какъ суевѣріе и ложное направленіе философіи сообщали тогда самымъ простымъ истинамъ науки свою мутную тѣнь.

Идея болѣзни въ среднихъ вѣкахъ одинакова съ той, которую мы находимъ въ первыхъ обществахъ глубокой древности и въ племенахъ дикихъ народовъ. Она истекаетъ изъ инстинктивнаго страха предъ невѣдомыми небесными силами, и сознанія тѣлесной слабости челоука. Болѣзнь есть выраженіе кары небесной или злаго вліянія воли враговъ. — Такая идея принадлежала всей Европѣ отъ начала XI до XVII вѣка. Болѣзнямъ посвящены были особенныя часовни, съ изображеніями цѣлителей: такъ Губертъ лечилъ водобоязнь, Эразмъ колику, Оттилія болѣзни глазъ и т. п. Исторія заблужденій челоуческихъ сохранила намъ славу людей, извѣстныхъ въ свое время силою заговариванія болѣзней и таинственной властію надъ недугами.

Императоры Максимъ, Максентій и Валенсъ, Шведскій Король Генрихъ, Графъ Ф. Аспермонтъ, Freiherr von Raitz, Генрихъ Эпископъ въ Базелѣ, Teutonium — Аббатъ въ Фульдѣ, Trithemius въ Шпангеймѣ, Сорбонскій Докторъ Edelinus, Докторъ Богословія Luranus, Кардиналъ Бразутусъ и множество другихъ считались знаменитыми заговаривателями болѣзней. Преданіе укоряетъ въ этомъ даже нѣсколькихъ Папъ. При такомъ направленіи духа времени неудивительно, что Арнольдъ изъ Виллановы (—1363), основатель Медицины во Франціи, Астрологъ и Алхимикъ — былъ преданъ проклятію за то, что доказывалъ преимущества леченія болѣзней лекарствами предъ заговариваніемъ ихъ и наложеніемъ рукъ обыкновенныхъ людей на больного.

Я оставилъ бы безъ вниманія этотъ періодъ заблужденій, еслибъ они принадлежали одной толпѣ только, не имѣли бы вліянія на медицину и ограничивались бы вѣками младенчества наукъ. Но даже въ сочиненіяхъ того времени, служившихъ для руководства и преподаванія Медицины въ Университетахъ, правила таинственныхъ обрядовъ и заговариванія болѣзней составляли техническую часть науки. Petrus de Bayro (—1558), Профессоръ Медицины въ Туринѣ, описываетъ нѣкоторыя изъ нихъ *) въ своемъ *Veni tecum, s. de medendis humani corporis malis Enchiridion* (Basil. 1563—1578), и послѣ него Wolf ⁹⁾, Moller ¹⁰⁾,

Bierling ¹¹⁾, Paullini ¹²⁾ и множество других ученых.—Въ Толедо была устроена знаменитая школа Некромантіи;—молодые люди изъ дальнихъ странъ ѣздили въ нее для образованія ея,—молва неслась далеко о могуществѣ Толедскихъ Магистровъ и не разъ употребляли, какъ при Конрадѣ Марбургскомъ, военную и духовную силу для уничтоженія ихъ чаръ въ государствахъ. Даже тѣ, которые далеко отличались отъ современниковъ образованіемъ своимъ—были увлечены этимъ ложнымъ направленіемъ. Reginald Scott (1584) говоритъ, что, въ продолженіе XVI вѣка, всѣ болѣзни объяснялись порчею и колдованіемъ (*Inscitiae pallium maleficium atque incantatio*) и это мнѣніе было такъ общо и несомнѣнно, что большая часть ученыхъ не допускала потребности изслѣдовать явленія болѣзни, находя удовлетворительную Носологию въ Демонологіи и запискахъ инквизиціонныхъ судовъ. *Initia doctrinae Physicae* Меланхтона наполнены сужденіями о демонѣ и вліяніи его на воздухъ и болѣзни,—Agrippra von Nettesheim, современникъ Парацельса, считаетъ натуральную Магію совершенствомъ философіи и путемъ къ истинному соединенію съ Богомъ ¹³⁾. Haec perfectissima summaque scientia, haec altior sanctiorque philosophia, haec denique totius nobilissimae philosophiae absoluta consummatio. Лютеръ ¹⁴⁾ и Бартолинъ объясняютъ происхожденіе нѣкоторыхъ болѣзней насильственнымъ сообщеніемъ демона съ женщиною.

Мистическая идея болѣзни укрѣпила вѣру въ Амулеты, талисманы и симпатическія лекарства, дѣйствующія безъ прикосновенія къ тѣлу. Эта вѣра ослабѣвала, переходя отъ одного поколѣнія къ другому; но какъ должна была она быть сильною въ то время, если остатки ея еще современны намъ? Симпатическій порошокъ Графа Кенельма Дигби, Канцлера Великобританіи, врача и Химика ¹⁵⁾, камень Butler'a, описанный Van Helmont'омъ, *Gesundheitsbüchse* Steding'a, Герфорденскаго Бурмистра, въ 1716 году, были въ свое время также магически сильны, какъ магнитныя палочки нашего столѣтія. Гдѣ аналитическому изслѣдованію природы положены препятствія суевѣріемъ ли вѣка, или ограниченностію умственныхъ силъ изслѣдователей, тамъ грѣзы медицинскаго мистицизма кажутся самыми правильными и разумными понятіями.

Персидское ученіе объ Ариманѣ и Ормуздѣ, облеченное въ новыя формы, соответствовавшія обычаямъ, направленію и развитію духа въ XVI столѣтіи—сдѣлалось основаніемъ Мистической Носологіи. Robert Fludd de Fluctibus (иначе Rodolph Otreb или Joachimus Fritzius), защитникъ ученія Розенкрейдеровъ, врагъ Гассенди, Докторъ Оксфордскаго Университета, оставилъ намъ Патологию свою (*Medicina Catholica* 1629, Francf; *Integrum morborum mysterium; Certamen Sophiae cum Moria; Philosophia mosaica*), въ которой на-

чало болѣзней основано на Теозофiи и ученiи о злыхъ духахъ. На всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта онъ размѣстилъ злыхъ духовъ, демоновъ; въ вѣдѣнiи и распорядженiи ихъ находятся извѣстныя болѣзни, какъ проявленiя ихъ силы; они посылаютъ человека, оставленнаго Богомъ и добрыми духами, находящимися въ вѣчной войнѣ съ демонами. *Morbus est meteorum aliquod infaustum maledictione divina, seu Jehovae irascens actus, in mortalium flagellum animatum.* — *Morbus est plaga, quam malevolens Jehova in cor inobedientis per percussorem, seu malum angelum, immittit.* (Medic. Cathol. Tom. II. sect. I. Part. II. cap. II и III). «Злые духи производятъ въ воздухѣ болѣзненные метеоры темные, каковы сѣверные и западные, и свѣтлые, восточные и южные. Метеоры изъ сѣверныхъ вѣтровъ бываютъ заразительные и незаразительные. Незаразительные снова раздѣляются на воздушные, жидкіе и твердые. Воздушные метеоры сѣверныхъ вѣтровъ поражаютъ духъ: Цирцiй производитъ печаль, уныніе и т. п., Борей—задумчивость, невѣжество, Аквилонъ—зависть, отчаяніе и т. д. Поражая тѣло, Цирцiй производитъ падучую болѣзнь, спазмы, — Борей—вѣтры, гипохондрию, онѣмѣніе, — Аквилонъ—помѣшательство, четырехдневную лихорадку, черную болѣзнь матки и т. д. Метеоры вѣтровъ жидкіе, посредствомъ черножелчной жидкости или нечистотъ крови (*foeces sanguinis*), на которыя они особенно дѣй-

ствуютъ, образуютъ апоплексію, *appetitum caninum*, дизентерію. Твердые метеоры сѣверныхъ вѣтровъ, происходящiе изъ сгущенiя жидкихъ, ведутъ за собою Антоновъ огонь, ракъ и пр. Изъ всѣхъ заразительныхъ сѣверныхъ метеоровъ одинъ главный: это проказа; прочіе, какъ *impetigo*, *tinea*, *lepra* сходны съ нею въ своихъ свойствахъ». и т. д. Патологія Athanas. Kircher'a Digby, Maxwell'я, Greatrake'a и Kozack'a сходна съ Флудовой. Источники ея лежатъ въ общемъ направленiи духа того времени; зло и добро, какъ въ нравственномъ, такъ и физическомъ мірѣ, тогда объяснялось духовными дѣятелями, — всѣ явленiя природы приводились непосредственно къ нимъ оттого, что основанiя ихъ невидны были чувству, не изощренному ни философiей, ни естественными науками. Fludd, Kircher, Kozack и послѣдователи ихъ внесли въ науку одни результаты общаго вѣрованiя, въ которыхъ тогда трудно было сомнѣваться. Процессы надъ вѣдьмами, этотъ страшный результатъ общепринятаго ученiя о порчѣ (*malefiz*), какъ единственной причинѣ болѣзней и эпидемiй, оправдывались и общимъ мнѣніемъ и законами духовной и гражданской власти. — Лейбъ-Медикъ Герцога Вильгельма Клевскаго, Joannes Weier (иначе *Piscinarius* и *Wierus*), родомъ изъ Граве на Маастъ, былъ одинъ изъ первыхъ, рѣшившихся идти противъ общаго мнѣнiя. Сочиненіе его *de praestigiiis demonum* (1563), должно было нанести пер-

вый ударъ мистической идеи болѣзни. Но еще при жизни его временный, мѣстный, успѣхъ въ дѣлѣ человечества былъ уничтоженъ общимъ мнѣніемъ. Даже въ Клевѣ снова введены были въ прежней силѣ процессы надъ вѣдьмами, производящими болѣзни. Одинъ изъ немногихъ защитниковъ его ученія, Cornelius Callidius Chrysopalatinus, собственно Cornelius Loos, Каноникъ въ Гудѣ, въ Голландіи—монастырскимъ заключеніемъ и пыткой принужденъ былъ отказаться отъ своего мнѣнія; другой, Докторъ Flade Dieterich, въ годъ смерти Weier'a (1589), торжественно былъ сожженъ за это. И послѣ Weier'a и послѣдователей ¹⁶⁾ его, при всѣхъ усиліяхъ ихъ, мистическая идея болѣзни, упорно защищаемая особенно духовными ученіями ¹⁷⁾, держалась еще двѣсти лѣтъ, ослабѣвая въ объемѣ и общности своей, по мѣрѣ развитія точныхъ наукъ и упадка суевѣрія. Оставивши науку, она осталась еще въ повѣрьяхъ толпы и отголоски ея дошли и до нашего вѣка. Последній процессъ надъ вѣдьмою, Anna Göldi, околдовавшею дитя такъ, что оно со рвотою выбрасывало кирпичи, гвозди и булавы, былъ произведенъ въ Гларусѣ, въ Швейцаріи, со всѣми принадлежностями суевѣрія среднихъ вѣковъ, въ 1782 году ¹⁸⁾. Въ Польшѣ, при занятіи Герцогства Познанскаго, Прусское Правительство, въ 1801 году, еще находило остатки костровъ, на которыхъ недавно сожжены были женщины, обвиненныя въ чародѣйствѣ за

то, что имѣли красные воспаленные глаза и что скотина въ сосѣдствѣ домовъ ихъ постоянно хворала ¹⁹⁾.

Современно съ мистическимъ направленіемъ развивалась въ Европѣ съ другой стороны древняя классическая Медицина Галена и Гиппократовъ. Еще Кассіодоръ въ VI вѣкѣ упоминаетъ о Латинскихъ переводахъ Гиппократовыхъ сочиненій и предлагаетъ ихъ за основаніе науки ²⁰⁾, — но, вытѣсненные Медициною Арабовъ и Арабистовъ, они не видны въ употребленіи до XIV столѣтія. Въ XV вѣкѣ догматическое направленіе, быстро развиваясь, дѣлается научнымъ и общимъ и удерживается въ Европѣ вплоть до нашего времени. Сначала Медицина Галена и Гиппократовъ оставалась въ чистомъ видѣ; безъ всякаго измѣненія и сочиненія ихъ считались классическими руководствами для леченія болѣзней; послѣ того, начиная съ XVI вѣка, каждая новая теорія въ медицинѣ, отражая современное направленіе, сливалась съ догматизмомъ и сообщала ему свои частности.

Трудно представить себѣ, какое сильное вліяніе на развитіе Медицины имѣлъ этотъ длинный и тяжелый періодъ классицизма. Съ одной стороны догматическая идея болѣзни, скрѣпленная вѣрованіемъ въ всемогущую силу природы, сама собою отвлекала науку отъ аналитическаго направленія; съ другой—самое классическое до-

стоинство сочиненій Галена и Гиппократѣ дѣлали его въ глазахъ ученыхъ совершенно излишнимъ и противнымъ православію науки. Fuchs, современникъ Лютера, въ Тюбингенѣ, Alex. Massaria въ Падуѣ, Crato ab Craftheim, Phoenix Medicorum practicozum, и много другихъ, открыто учили считать законами и тѣ положенія Догматической Медицины, которыя противорѣчатъ Логикѣ и наблюденію. Lud. Mercatus (Mercado), Профессоръ въ Валладолидѣ (—1608) объ одномъ мнѣніи Галена говоритъ: «Quam, procul dubio, sententiam, nisi Galenus protulisset, ego existimarem omnino falsam». Guy Patin разсказываетъ²¹), что J. Ant. von der Linden (—1664), знаменитый издатель и Комментаторъ Гиппократѣ, получивъ воспаленіе легкихъ, никакъ не хотѣлъ пустить себѣ крови, противъ Афоризма Гиппократѣ, и отъ того умеръ. «Voila comme meurent les fous et les chymistes», прибавляетъ Patin. Кому неизвестенъ ученый споръ, продолжавшійся въ Медицинѣ болѣе ста лѣтъ, за значеніе Гиппократова слова κατ' ἄκρην, за то, изъ которой руки должно пускать кровь при воспаленіи груди, изъ руки ли больной или здоровой стороны. Онъ дошелъ наконецъ до того, что Императоръ Карлъ V долженъ былъ рѣшить вопросъ.

Не допуская въ идеѣ болѣзни индивидуальности и органическаго значенія, послѣдователи Догматической Медицины не имѣли нужды изъ

слѣдовать причины и цѣль феноменовъ болѣзни. Это было бы прямымъ противорѣчіемъ догматической идеи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внутренняя связь симптомовъ не входила въ ученіе ихъ, и потому образы болѣзней составлялись по наружнымъ явленіямъ. Возьмите любое описаніе болѣзни въ сочиненіяхъ Гиппократѣ и Галена и послѣдователей ихъ, начиная отъ Симфоріана Шампье до де Наён'а—они ничего не объясняютъ, а содержать одни суррогаты чувственныхъ впечатлѣній. Болѣзнь опредѣляется не по сущности и направленію, не по мысли въ ней затаенной, а по однимъ наружнымъ признакамъ, находящимся въ какомъ-то неопредѣленномъ, какъ бы случайномъ, временномъ, отношеніи другъ къ другу и вовсе безъ отношенія къ самой болѣзни, которую они должны выражать, какъ звуки выражаютъ мысль. По этому имена болѣзней ихъ не суть опредѣленія;—это собственныя имена, по большей части метафорическія, какъ напр. Тифъ, Апоплексія, Сифилисъ, или взятыя отъ сравненія, какъ Satyriasis, Ichtyosis, Ракъ и считающіяся тѣмъ удачнѣе, чѣмъ менѣе чувственныхъ понятій съ ними соединено. Легко видѣть, что безъ свѣдѣній о внутреннихъ причинахъ признаковъ болѣзни, безъ сознанія ея мысли и направленія,—раціональное назначеніе лекарствъ не возможно. Симптомы въ Догматической Медицинѣ служатъ только показаніями или противопоказаніями относительно извѣстныхъ лекарствъ; одно назначеніе въ ней возможно: это

назначеніе по причинамъ (*indicatio causalis*). Если болѣзнь произошла отъ простуды, то должно лечить ее лекарствами производящими испарину,—при засореніи желудка — должно давать лекарства очищающія и т. д. Но гдѣ причина неизвѣстна, гдѣ ближайшее дѣйствіе ея давно миновалось, сообщивши импульсъ неправильной дѣятельности отдаленнымъ органамъ, гдѣ болѣзнь произошла отъ такихъ потенцій, которыхъ нельзя уловить чувствами, — тамъ нѣтъ раціональнаго назначенія въ Догматической Медицины. По этому-то на каждомъ шагу она призываетъ въ свою помощь—опытъ, скудный результатъ случайныхъ удачъ, теряющійся въ необозримомъ множествѣ промаховъ и заблужденій.

Между тѣмъ, какъ догматизмъ и мистическое направленіе развивались въ Европейской Медицинѣ, удерживая ее на одной и той же степени несовершенства, въ XVI вѣкѣ возникла на время новая идея болѣзни. Теофрастъ Парацельсъ, Алхимикъ, натуральный Философъ и врачъ,—подъ влияніемъ Астрологіи, Алхиміи, Магіи и Кабалистики, современнаго суевѣрія и начатковъ точныхъ наукъ, образовалъ совершенно новое ученіе о болѣзни.—Видно, что въ началѣ своего ученаго поприща онъ еще держался классицизма ²²⁾, но потомъ оставилъ его, сознавъ его недостатки. «Опытъ показываетъ», говоритъ онъ, «что подагру лечить не холодъ и не тепло, не сырость и не

сухость, а *arcanum virtutis*, т. е. одна *virtus* сама по себѣ. Если небо производитъ новыя открытія, науки и болѣзни, то не ихъ ли должно болѣе цѣнить? Что намъ пользы въ дождѣ, который упалъ за тысячу лѣтъ? Полезенъ тотъ, который теперь падаетъ; что пользы нынѣшнему году въ томъ теченіи солнца, которое было за тысячу лѣтъ?» (1. 253). Медицина должна основываться, по его мнѣнію, на Космографіи, Географіи и Астрономіи, которыя вовсе не были извѣстны древнимъ ученымъ (1. 632), и потому со всею силою своего рѣзкаго краснорѣчія возстаетъ на догматизмъ, на *codices scribentium*, проповѣдуя потребность и выгоды объективнаго направленія и религіозное презрѣніе къ мудрости язычниковъ и Іудеевъ—(1. 25. 43. 78. 266. 362. 608) ²³⁾.

«Наука врача», говоритъ онъ, «исходитъ отъ одного Бога. Онъ написалъ ее въ книгу природы, и въ ней ищи ее, и найдешь. Если хочешь сдѣлаться врачомъ, прежде всего ищи лекарство, тамъ, гдѣ оно есть, а не выдумывай ни одного самъ собою (*erspeculir keine von dir selbst*); соображай ихъ со всеми книгами науки, созданными отъ Бога: что согласно со свѣтомъ природы, то въ самомъ дѣлѣ существуетъ и имѣетъ силу; несогласное съ нимъ, есть лабиринтъ, не имѣющій ни входа, ни выхода». (1. 266).

Вѣчную книгу мудрости природы Парацельсъ раздѣляетъ на одиннадцать книгъ. Первая изъ

нихъ есть мудрость (*sapientia*); вторая—твердь, въ которой звѣзды, какъ буквы, сходятся другъ съ другомъ въ мысли и опредѣленія (1. 566); третья заключена въ стихіяхъ: болѣзнь и здоровье ихъ параллельны съ человѣческими (1. 268). Четвертая книга есть Физика (*liber Anatomiae majoris*): она учитъ въ человѣческомъ организмѣ узнавать физическое тѣло—(*in concordantia anatomiae machinae mundi*); пятая—Алхимія, не та ограниченная принадлежность невѣжества средних вѣковъ, не наука дѣланія золота и серебра ²⁴), какъ думаетъ большая часть писателей, мало знакомые съ ученіемъ Парацелса. Подъ именемъ Алхиміи онъ разумѣетъ собраніе химическихъ процессовъ, имѣющихъ цѣлю очищать матеріалы и приводить ихъ въ самый чистый видъ, *ex prima materia in ultimam* ²⁵), причисляя къ ней и искусство добывать желѣзо изъ руды и всѣ аптекарскія работы. И хлѣбникъ, по его мнѣнію, есть такой же Алхимикъ, какъ и врачъ, приготовляющій лекарство (1. 271). Шестая книга мудрости природы есть опытъ; седьмая—книга Аптекъ природы. «Луга и поля, горы и холмы суть аптеки, которыя даетъ намъ природа; изъ нихъ мы должны наполнять наши» (1. 274). Восьмая книга есть Медицинская Теорія; девятая—откровеніе чрезъ Магію. Подъ этимъ словомъ Парацелсъ разумѣетъ изслѣдованіе тѣхъ веществъ, въ которыхъ специфическая сила противъ извѣстныхъ болѣзней введена чрезъ посредство планетъ, дѣй-

ствіемъ неба всемогущаго и всемъ управляющаго. Какъ въ сѣмени растенія лежатъ и силы и свойства его, такъ и въ извѣстныхъ тѣлахъ, силою небеснаго вліянія, можетъ быть затаена магическая сила. Если небо можетъ послать на землю чуму и другія болѣзни и убить человѣка, то оно можетъ послать съ тою же силою и полезное, и если это полезное попадаетъ на человѣка, то оно можетъ попасть и въ камень. Это выраженіе небесной силы находится, по мнѣнію Парацелса, во всѣхъ лекарствахъ *in concreto*, особенно въ камнѣ *Gammahi*, въ растеніи *Persicaria*, въ звѣздахъ и даже извѣстномъ наборѣ словъ ²⁶). Слѣдовательно подъ именемъ Магіи Парацелсъ ввелъ въ Медицину не чернокнижіе, которому учили въ Толедо, и не науку гаданій, породившую до него еще Уриноскопію и Хиромантію ²⁷), которыя держались въ Медицинѣ еще до конца прошедшаго столѣтія. Натуральныя предсказанія его (*auguria*) основаны на изученіи инстинкта животныхъ,—наукъ, полной тайнствъ, до сихъ поръ для насъ непонятныхъ. Животныя, съ ихъ чувствами острыми и болѣе совершенными, предчувствуютъ начинающуюся порчу тѣла предъ смертію человѣка; на томъ же изощренномъ предвидѣніи и соображеніи едва развивающихся, едва замѣтныхъ признаковъ болѣзни, должна основываться прогностика врача. Собраніе положеній ее въ стройную науку есть Магія Парацелса (11. 201.)—Десятая книга вѣчной мудрости при-

роды учить, какъ лекарства переходятъ изъ первой матеріи въ послѣднюю. Ни одно средство не можетъ дѣйствовать безъ вліянія неба и созвѣздіи; они вводятъ его и направляютъ въ организмъ къ тѣмъ органамъ, которымъ сами соотвѣтствуютъ²⁸). Безъ воли неба лекарства остаются безъ дальнѣйшаго хода въ желудкѣ. Но для того, чтобы созвѣздія могли управлять ими, они должны быть приведены въ хаосъ (gas), въ воздухъ. «Какой же камень можетъ быть поднятъ вверхъ созвѣздіями? Ни одинъ. Одни только летучія вещества, volatile, аrcanum». Поэтому, допуская въ лекарствѣ силу in concreto, онъ отдѣляетъ отъ него всю излишнюю матерію, такъ чтобы осталась только одна сила его, virtus, аrcanum, ultima materia²⁹). Разная степень этого отдѣленія управляетъ силою дѣйствія лекарства. — Здѣсь Парацельсъ предчувствовалъ мысль о силѣ in concreto, составившую въ послѣдствіи времени основанія Гомеопатіи и проявившуюся въ новѣйшее время въ отдѣленіи Алколоидовъ, какъ проводниковъ отдѣльных цѣлебныхъ силъ лекарствъ. Когда еще путемъ химическаго анализа нельзя было доказать различія составныхъ частей растений по степени зрѣлости ихъ и минераловъ по степени очищенія, Парацельсъ предполагалъ его. «Другая сила» говоритъ онъ, «въ отпрыскахъ растений, иная въ цвѣтахъ, плодахъ незрѣлыхъ и зрѣлыхъ, — и послѣдніе плоды одного и того же дерева совершенно раз-

личны отъ первыхъ, какъ по виду, такъ и по дѣйствіямъ своимъ. Силы, лежащія въ растеніяхъ, постепенно созрѣваютъ каждый часъ и каждую минуту. Время даетъ дѣйствіямъ растеній постепенность и различіе въ силахъ, Алхимія же довершаетъ и оканчиваетъ то, чего не додѣлала природа». Наконецъ одиннадцатая и послѣдняя книга мудрости природы разсуждаетъ о происхожденіи болѣзней на основаніи философіи. (III. 76).

На этихъ одиннадцати книгахъ Парацельсъ основалъ свою Медицину, имѣя въ виду обратить ее отъ произвольныхъ толкованій классицизма и догматики къ ученію, основанному на опытѣ, наблюденіи природы, философіи, физикѣ живаго и одушевленнаго тѣла, на ученіи объ элементахъ, изслѣдованіи цѣлебныхъ силъ лекарствъ и искусствѣ отыскивать ихъ посредствомъ Магіи и Сигнатуры и приводить въ эфирное, очищенное, конкретное состояніе. Тѣмъ положилъ онъ рациональное основаніе науки, привелъ ее къ категоріи естественныхъ наукъ и подчинилъ чистому наблюденію и изслѣдованію природы. Но и ближайшіе послѣдователи его (Cephalus, Dienheim, Dornaeus, Figulus, Gerhardus, Goslenius, Sendivogius, Neander, And. Libavius) оставили этотъ правильный путь и перешли прямо съ него къ Алхиміи и Панацелямъ.